

Love story

Алекс Вуд

Где искать
любовь

Алекс Вуд

Где искать любовь

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606495
Где искать любовь: Панорама; Москва; 2005
ISBN 5-7024-1803-5

Аннотация

Гвендолин МакНорман – очаровательная 23-летняя девушка, светлый лучик семейства МакНорман. Сама Гвен невысокого мнения о своей внешности, но ее внутренние качества с лихвой компенсируют малюсенькие недостатки.

Семейство же МакНорманов после смерти отца Гвен оказалось на грани банкротства и содержать семейный замок Гвендиль им становится все труднее и труднее. И лишь одну Гвен, страстно влюбленную в замок, волнует вопрос его сохранения. Ради этого она даже согласна прожить одну неделю у своего богатого родственника Уорнера МакНормана, чтобы присмотреться к потенциальной невесте для своего старшего брата Джеймса...

Содержание

1	4
2	8
3	14
4	19
5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алекс Вуд

Где искать любовь?

1

Дневник леди Гвендолин

10 ноября

Перед замком простиралась зеленая долина. Далеко, насколько хватало глаз, виднелась ровная, ухоженная трава, гигантский газон, созданный усилиями замковой челяди. Посередине была узкая песчаная дорожка, ведущая к главным воротам замка, и любого путника, пешего или конного, всегда можно было заметить издали.

В праздничные дни долина оживала. Для лорда и леди раскидывали расписной шатер с пологом, затканым золотом. Он был украшен изысканными вышивками, и деревенские детишки любовались издали этим чудом, не осмеливаясь подойти поближе, чтобы не вызвать гнева закованных в латы стражей.

По правую сторону от шатра обычно огораживали место для турниров. Рыцари на покрытых попонами конях съезжались, направляя друг на друга угрожающие копыта и бряцающая доспехами. Прекрасные дамы сидели на специально выстроенных для этого случая террасах и, затаив дыхание, следили за ходом сражения. Сама леди порой неодобрительно качала головой, когда сражающиеся проявляли излишнюю жестокость.

Она всегда была добросердечной, леди Гвендильского замка.

Естественно, на этом развлечении не заканчивались. К вечеру на месте ристалища устанавливались длинные деревянные грубо сколоченные столы, на которых красовалась всевозможная еда. Молочные поросята, зажаренные до хрустящей корочки, гуси с нежным прозрачным жирком, олень, загнанный и убитый лордом собственноручно, главное блюдо на пиру. И, конечно же, виски, знаменитый гвендильский виски, от которого туманились самые крепкие головы и развязывались самые сдержанные языки. Приходили музыканты, и всю ночь протяжные звуки волынки нарушали покой гвендильской долины.

Не всем по вкусу было это простонародное веселье, где подчас нельзя было отличить благородного лорда от простого охотника. Поговаривают, что даже леди иногда возмущали жестокие шутки этого шумного праздника. Но обычай гласил, что раз в год стирается граница между сословиями в гвендильской долине, и богатый землевладелец, и бедный арендатор пируют за одним столом. Лорд Гвендильского замка был не из тех, кто пренебрегает традициями. Хотя даже он был вынужден идти на уступки и продолжать праздник для более благородных гостей уже в стенах замка.

Ах, Гвендиль тех времен! Нет пера, достойного описать красоту твоих величественных стен, роскошь внутреннего убранства, где каждая мелочь свидетельствовала о могуществе и богатстве твоего хозяина! По праву ты считался жемчужиной Шотландского Нагорья. Суровы и холодны здешние места, враждебны к чужеземцам и неласковы к коренным жителям, но Гвендиль, прекрасный Гвендиль, даровал людям красоту и уверенность. Провести ночь в его стенах почиталось за великую честь. Черной завистью завидовали тем, кто пользовался особым расположением хозяев замка и мог возвращаться туда снова и снова.

Гвендильский замок был очень велик. Он представлял собой даже не одно строение, а несколько. Настоящий средневековый город в миниатюре, окруженный крепкой высокой стеной. В случае необходимости здесь можно было выдержать осаду, что, впрочем, нередко

случалось в те беспокойные времена и лишь подкрепляло репутацию замка как неприступного места.

Но при всей своей неприступности гвендильский замок не производил впечатления мрачной крепости. Наоборот, в каждой постройке, даже самой незначительной, чувствовалась легкость и изящество. Лучше всего было подъезжать к замку в яркий солнечный день, когда перед путником неожиданно открывалась изумрудная долина, обрамленная по краям ровным рядом деревьев, а в самом конце ее – стройные белые башни Гвендиля, отчетливо выделяющиеся на фоне неба.

МакНорманы владели замком с незапамятных времен. Он бережно передавался от отца к сыну. Много терялось с течением столетий, когда собственность легко меняла хозяев. Бывшие фавориты становились изгнанниками, а их имущество – добычей вожделев корольских особ. Но Гвендиль, холодный, надменный, жестокий в своей красоте, оставался в семье МакНорманов.

И порой я очень жалею о том, что какой-нибудь коварный воинственный англосакс не преуспел в своей попытке завладеть нашим замком, хотя немедленно укоряю себя за недостойные мысли. Мои благородные предки в пышных старинных одеяниях, вззирающие на меня со стен картинной галереи, презирают меня за малодушие, но честное слово, они не видят наших счетов за электричество!

Однако минута слабости проходит, я беру себя в руки и снова готова сражаться за Гвендиль до последней капли крови, вернее до последнего пенса, ибо именно так ведется борьба в двадцатом веке.

Хотя хватит жаловаться, ведь я решила вести дневник не только для того, чтобы изливать в нем свои горести. Все мои предки оставили после себя значительные мемуары, и будет позорно, если я не приложу руку к семейному архиву. Никого больше в этой семье не волнует история МакНорманов – только меня, второго ребенка и старшую дочь.

Меня зовут Гвен МакНорман, мне двадцать три года, у меня отвратительные рыжие волосы, белая кожа и гадкие веснушки, регулярно высыпающие каждую весну. Типичная шотландская наружность, но это уже личное.

Официально я леди Гвендолин Маргарита Эрнестина МакНорман из Гвендильского замка. Мое имя внушает мне благоговейный ужас. Наверное, потому что оно созвучно с названием замка. Однако леди Сесилия МакНорман, урожденная Хемиш, моя мать, утверждает, что одно время увлекалась Оскаром Уайльдом и решила назвать меня в честь героини одной из его пьес, и что Гвендиль тут совершенно не причем. Но мне больше нравится думать, что мы с замком – тезки.

Моя любовь к Гвендилю сродни религиозному фанатизму. Живи я в Средние века, меня бы сожгли на костре за языческие наклонности, но в наше терпимое время я могу абсолютно открыто провозглашать свое преклонение перед красотой Гвендиля. Вернее, перед его бывшей красотой, потому что от великолепия замка осталось немного. И если издалека он еще способен произвести впечатление, то вблизи не остается никаких сомнений в том, что замок изрядно поизносился и нуждается в капитальном ремонте. А так как МакНорманы двадцатого века и деньги – вещи несовместимые, я не думаю, что Гвендиль снова станет жемужиной Шотландского Нагорья. По крайней мере, при моей жизни.

Все это очень печально. Но гораздо ужаснее то, что меня никто не поддерживает. Джеймс МакНорман, мой старший брат, фактический владелец замка, заглядывает в Гвендиль не более двух раз в год – на Рождество и день рождения мамы. Для него замок – всего лишь досадная обуза, от которой он с удовольствием избавился бы, если бы Гвендиль не был нашей единственной собственностью. А так посредством замка Джеймс может рассчитывать привлечь внимание какой-нибудь богатой наследницы, чей папаша сколотил состояние

на торговле табаком или мылом. Титул, замок, хорошее воспитание – все это тоже неплохой капитал. Жаль, что Джеймс при этом не особенно хорош собой, бедняга.

Впрочем, это можно сказать обо всех членах нашей семьи, разве что наша младшая сестра Кэролайн со временем превратится в настоящую красавицу. В отличие от нас с Джеймсом она темноволося и темноглаза и может позволить себе задирать нос.

Неприятности наши начались около пяти лет назад, когда от кровоизлияния в мозг скончался отец. Весьма досадное событие, даже учитывая тот факт, что он уже очень давно не жил с нами. Но только спустя месяц мы в полной мере осознали последствия этого несчастья. Когда пришло уведомление о том, что налог на собственность у нас не заплачен с прошлого года. Раньше я не особенно интересовалась этими вещами – отец был достаточно обеспеченным человеком и даже издалека заботился о Гвендиле и иногда о нас. Но теперь владельцем замка был Джеймс, у которого не было и пенни за душой, а после прочтения отцовского завещания выяснилось, что мы можем претендовать разве что на его долги. Мы сами должны были думать о Гвендиле.

Джеймс, как сейчас помню, пришел в ярость – мы продали его дорогое ружье, всех лошадей и старинное бабушкино кольцо, чтобы заплатить налог. К тому же надо было на что-то жить, платить за обучение Кэролайн. Раньше отец присылал нам кое-какие деньги, и это позволило мне и Джеймсу получить приличное образование. Однако теперь я не уверена, что Кэролайн сможет учиться в том же университете, что и мы. Юной леди МакНорман придется поубавить свои светские амбиции...

Но все это такие пустяки по сравнению с судьбой Гвендиля. Веками МакНорманы заботились о его процветании. Для них замок был больше, чем просто дом. Я очень хорошо понимаю это чувство, но мои родные, увы, считают это девической блажью. Джеймс пытается заниматься сейчас биржевыми спекуляциями. В своих коротких письмах маме он уверяет ее, что когда он преуспеет, он присмотрит для нас небольшой особнячок в спокойном пригороде, и мы заживем наконец как нормальные люди. Когда я читаю эти равнодушные строки, в которых он вполне серьезно рассуждает о продаже Гвендиля, я холодею и невольно начинаю молиться о том, чтобы моего брата постигла неудача и он не смог взять на себя заботу о нас. Ведь если Гвендиль будет продан, нам просто будет негде жить...

То ли мои молитвы весьма успешны, то ли Джеймс – полная бездарность в вопросах бизнеса, но пока он не может похвастаться особенными успехами. Так, мелочь, которая позволяет ему держаться на плаву. Богатых наследниц на горизонте тоже не видно, и Джеймсу остается только похвалиться перед мамой и мечтать вместе с ней. Она-то полностью одобряет и поддерживает его. Он всегда был ее любимчиком.

Конечно, нельзя сказать, чтобы мы были совсем без средств. Кое-что у нас все-таки есть. В основном, доходы от арендаторов, но этого едва хватает. Гвендилю нужно так много, и я не представляю, что бы мы делали, если бы пожар в начале девятнадцатого века не разрушил большинство построек замка. У меня полно хлопот с главным зданием, я бы не выдержала, если бы мне пришлось заботиться о чем-то еще.

Сейчас знаменитый гвендильский замок фактически разделен на три части. Первая состоит из обширного холла и правого крыла, где находится столовая и наши комнаты. В этой части запустение и разруха еще не поселились окончательно. Ко второй относятся картинная галерея и многочисленные гостевые покои, заставленные старой мебелью, унылые, затхлые, прячущие под толщей пыли сокровища Гвендиля.

И, наконец, кошмарное левое крыло, где протекает потолок, отсыревают стены и того и гляди обрушатся переборки. А ведь именно там находится та самая Обеденная Зала, известная пирами, которые устраивали МакНорманы, принимая королевских особ. Я так и представляю себе чопорных дам в пышных платьях и гордых шотландских лордов, восседающих на чинных обедах в гвендильском замке...

Но, кажется, я опять размечталась. Наверное, мне стоит попробовать написать книгу о прошлом Гвендила, придумать попутно захватывающую любовную историю, чтобы легче читалось, и продать ее какому-нибудь издательству. Может быть, тогда мне удастся наскреести денег на ремонт.

Или нет, лучше воззвать к общественности. Объявить о том, что Гвендиль – настоящий культурный памятник и нуждается в соответствующем обращении. Однако кто знает, что произойдет тогда. Отец рассказывал мне, что когда-то ходили разговоры о том, что замок давно следовало передать государству. Видите ли, такой широкий жест был бы вполне в духе МакНорманов! Слава Богу, отец любил Гвендиль не меньше, чем я, и только серьезные разногласия с моей матерью леди Сесилией заставили его оставить нас. Я имею в виду себя и замок.

Многих удивляет, почему я называю родную мать леди Сесилией. Такое происходит довольно часто, в том числе и при посторонних. Я должна сразу оговориться – она считает это вполне нормальным и даже поощряет подобное обращение. Так, по ее мнению, достойнее. Маму обуревают аристократические амбиции, даже удивительно, что при подобном отношении к собственной родословной ее очень мало волнует фамильный замок. Может быть, потому что Гвендиль принадлежит МакНорманам, а не Хемишам?

И снова я сажусь на своего любимого конька. Но действительно очень обидно, когда гибнет такая красота, и ты не можешь ничего сделать, чтобы спасти ее.

Вот уж никогда не думала о том, что достать деньги – это целая проблема. Нищета и скупость шотландских лордов вошли в поговорку, но я всегда была уверена, что в двадцатом веке ничего не стоит сколотить приличное состояние. Раз, два и готово. Однако, разбогатеть, работая учителем или секретарем, невозможно (ни к чему иному меня в университете не готовили), а биржевые спекуляции моего брата Джеймса с завидным постоянством оканчиваются провалом.

Так что совершенно логично, что леди Сесилия постоянно думает о том, как бы получше пристроить Джеймса. О Кэролайн речь пока не идет, ей слишком мало лет, но, честное слово, у нее гораздо больше шансов составить приличную партию и восстановить Гвендиль. Хотя я очень сомневаюсь, что у нее возникнет желание сделать это...

Лично я о замужестве пока не задумываюсь. По крайней мере, всерьез. Иногда по ночам я мечтаю о том, что в моей жизни появляется мужчина, который становится моим мужем. Я не знаю, красив ли он, высок, молод или стар. Но точно одно – у него очень много денег, и я с радостным сердцем приступаю к ремонту замка.

Я знаю, что это ужасно неприлично – мечтать о богатом муже. Вернее, признаваться в этом. Но так как все мои подружки и моя мать втайне безумно желают того же, то я не понимаю, почему бы не сказать об этом вслух? Может быть, это как-то поможет?

2

– Ах, тетя Пэм, я не знаю, что делать, – вздохнула крупная темноволосая женщина средних лет.

Она сидела на диване и рассеянно листала модный журнал. Напротив нее расположилась морщинистая старушка в красивой дорогой одежде. Впрочем, присмотревшись к ней, можно было заметить, что она не так уж стара – глаза ее горели пронизательным блеском, на губах играла насмешливая улыбка. После короткого разговора с ней любому становилось ясно, что леди Памела Хемиш, несмотря на свой безобидный внешний вид, никому не даст спуска.

– А в чем дело на этот раз? – вкрадчиво поинтересовалась леди Памела у племянницы.

Леди Сесилия МакНорман (а это была именно она) разразилась чередой душераздирающих вздохов. Тетя Пэм терпеливо слушала ее, зная, что ее «дорогая Сесилия» выскажется в любом случае.

– Гвендолин не дает мне покоя, – наконец произнесла Сесилия. – Девочке уже двадцать три года, а она, вместо того, чтобы думать о замужестве, днем и ночью терзает меня этим ужасным замком!

– Который, между прочим, является твоим домом вот уже двадцать пять лет, – мягко заметила Памела. – Помнится, когда ты выходила замуж за Эдуарда МакНормана, ты очень гордилась тем, что станешь леди Гвендильского замка.

Никто не любит, когда ему напоминают о собственной непоследовательности, пусть даже таким любезным тоном. Леди Сесилия не была исключением.

– Тогда Гвендиль был совсем другим, – сказала она, нахмурившись. – Двадцать пять лет назад все воспринималось совсем по-иному.

Разговор затих. Леди Сесилия не знала, как продолжать после нетактичного замечания тети, а Памела не торопилась помогать ей.

Памела Хемиш была младшей сестрой матери Сесилии. Это была подвижная пожилая леди, весьма наблюдательная и острая на язык. Она очень любила своих внучатых племянников и гордилась тем, что Сесилия вышла замуж удачно и родила столь замечательных детей. Конечно, были небольшие финансовые трудности... Но куда без этого? Леди Памела смело могла называть себя философом – в семье Хемишей средств отродясь не водилось, и она привыкла всю жизнь сводить концы с концами. Это приучило ее спокойно смотреть на многие вещи и с достоинством воспринимать удары судьбы вроде краха на бирже или кражи семейных драгоценностей.

Ее любимицей в семье МакНорманов была Гвендолин. Леди Памела считала, что девочка очень напоминает ее в молодости – те же живость характера и сметливость ума. Кэрлайн была слишком похожа на Сесилию, поэтому не могла претендовать на первое место в ее сердце. К мужчинам леди Памела, убежденная старая дева, всегда относилась с опаской, и даже от Джеймса МакНормана она старалась держаться подальше. Зато Гвендолин была совсем другой, и леди Памела втайне строила планы, как она найдет ей достойного жениха среди своих аристократических знакомых. Увы, пока достойных не наблюдалось...

– Я так и не поняла, в чем проблема с Гвендолин, – напомнила леди Памела после того, как прошло добрых десять минут.

– Ах, тетя Пэм, неужели ты не понимаешь? – Сесилия досадливо повела плечом. – В ее возрасте у меня уже был годовалый Джеймс. Если бы у Гвен была семья или хотя бы приличный жених на примете, она бы перестала носиться с этим замком и постоянно требовать от меня денег на ремонт. Как будто я могу их достать!

– А что слышно от Джеймса? – осторожно спросила Памела, чтобы переменить тему разговора.

Каждый раз, когда она навещала МакНорманов, она слышала одно и то же – Гвендолин давно пора замуж, Гвендолин слишком много думает о замке, Гвендолин всех измучила разговорами о ремонте...

– Джеймс работает, – коротко ответила леди Сесилия. О своем любимчике она могла говорить, не останавливаясь, но сейчас хвастаться было нечем. – Но пока... только пока ему не очень везет.

– Может быть, ему стоит поступить в какую-нибудь приличную контору и начать зарабатывать стабильные деньги? Я не сомневаюсь, что с его способностями и образованием он без труда...

– Джеймс уже взрослый мужчина и поступает так, как считает нужным, – сухо произнесла леди Сесилия. Ее сын не нуждается в замечаниях и советах! – Он дельный мальчик и знает, что и как делать.

Леди Памела смиренно опустила глаза. Все время одно и то же. Дельный мальчик постоянно балансирует на краю пропасти, и не исключено, что когда-нибудь им все-таки придется продать Гвендиль, чтобы окупить его очередное безумство.

– А как продвигается дело с той мисс Робертсон? Ты, кажется, рассказывала в прошлый раз, что их роман в самом разгаре...

– Не напоминай мне об этом!

Леди Сесилия взмахнула рукой. В прошлый раз она посвятила тетю Пэм по все подробности отношений Джеймса с некой мисс Робертсон, богатой наследницей одного американского миллионера. Они познакомились на вечеринке, и Джеймс утверждал без ложной скромности, что девица влюбилась в него с первого взгляда. Он уже подумывал о том, чтобы пригласить ее в Гвендиль и представить матери. Все его письма были полны описанием многочисленных достоинств мисс Робертсон. Леди Сесилия была вне себя от счастья и говорила только о будущей свадьбе Джеймса.

Однако вчера пришло очередное письмо, из которого стало ясно, что ее радужные планы несколько преждевременны. Мисс Робертсон внезапно охладела к молодому аристократу и увлеклась другим, менее знатным, но более привлекательным претендентом на ее состояние. Естественно, что напоминание о мисс Робертсон было не очень приятно леди Сесилии. В который раз она мысленно упрекнула себя за несдержанность в разговорах. Но сожалеть было слишком поздно.

– Эмилия Робертсон оказалась весьма ветреной девицей, – плаксиво произнесла Сесилия. Она как никто другой умела жаловаться. – В то время как бедный мальчик с ума по ней сходил, она всю строила глазки другому.

– А она очень богата, эта мисс Робертсон? – вскользь поинтересовалась леди Памела. – Может быть, переживать совсем не стоит...

Последнюю фразу она произнесла вполголоса, словно рассуждая сама с собой, но леди Сесилия прекрасно расслышала и была оскорблена до глубины души. Ее попытки представить Джеймса влюбленным и глубоко страдающим пропали втуне. Тетя Пэм не желала обманываться.

– Ах, тетя, ты меня поражаешь, – досадливо проговорила леди Сесилия, откинувшись на мягкую спинку дивана. – Ты же знаешь Джеймса. Он такой ранимый и чувствительный. Конечно, я не могу сказать, что эта Эмилия составляла счастье всей его жизни, но он уже успел привязаться к ней... И вдруг такой предательский удар. И со стороны кого? Его близкого друга, Сэма Беверли!

Леди Памела едва удержала лукавую усмешку. Она прекрасно знала, о ком идет речь. Сэм Беверли был добродушным здоровяком с пышущим здоровьем лицом и обаятельной

улыбкой. Неудивительно, что девушка предпочла его. Бедняга Джеймс наверняка очень блекло смотрелся на его фоне.

– И теперь я не знаю, что делать, – продолжала жаловаться Сесилия. – Скоро надо решать что-то с университетом Кэрролайн. И левое крыло замка того и гляди развалится... Гвен пора замуж, а у меня нет ни одной сотни фунтов ей в приданое. Ей и так то вряд ли можно рассчитывать на приличную партию, а уж без приданого... Ужас!

Леди Сесилия изящным жестом прижала надушенный платочек к глазам.

– Да, все это весьма печально, – кротко согласилась с ней леди Памела, не желая вступать с племянницей в споры относительно будущего Гвендолин. Лично она была о ней гораздо более высокого мнения.

– А тебе не кажется, что все-таки стоит позволить Гвендолин попробовать поискать работу? – спросила леди Памела через некоторое время. – У нее есть голова на плечах, и ты знаешь, сейчас молодые женщины очень неплохо устраиваются и...

– Даже слышать об этом не хочу! – буквально выкрикнула Сесилия с раздражением. Удивительно, откуда у женщины, которая минуту назад демонстрировала явную слабость, взялись силы на столь активный протест.

Вопрос о работе для Гвендолин неоднократно поднимался в этой семье. В Эдинбурге у нее была крохотная квартирка, оставшаяся после какой-то дальней родственницы, и девушка порывалась переехать туда и начать работать. Однако леди Сесилия была категорически против. У нее имелись вполне определенные взгляды на то, чем должна и чем не должна заниматься ее дочь, происходящая из одной из самых знатных шотландских семей. Все увещевания Гвендолин, взывания к здравому смыслу матери ни к чему не приводили – Сесилия твердо стояла на своем. Ослушаться матери Гвен не смела, да и при мысли о том, что ей придется покинуть Гвендиль, ее решимость таяла. И она старалась убедить себя в том, что вряд ли сможет найти достойную должность, чтобы заработать достаточно денег и помочь семье.

Леди Памела находила все это весьма неразумным. В Гвендилье девочка заперта в четырех стенах. В Эдинбурге у нее будет гораздо больше возможностей познакомиться с достойным человеком и...

Несмотря на то, что Памела Хемиш сама никогда не была замужем, она, как это часто случается с пожилыми дамами, питала непреодолимое пристрастие к сватовству. И хотя мужчины казались ей загадочными и опасными существами, она тем не менее внимательно присматривалась к тем, кого считала подходящей партией для той или иной знакомой девушки. Ее заветной мечтой было замужество Гвендолин, но, увы, пока ничто не предвещало, что ее желанию в скором времени суждено сбыться.

– О, тетя Пэм, я так рада тебя видеть!

В гостиную влетела невысокая изящная девушка с огромными голубыми глазами и задорными рыжими кудряшками. Длинная клетчатая юбка ловко сидела на ее ладной фигурке. С первого взгляда в девушке чувствовалась огромная жизненная сила, энергия и упрямый нрав.

Ее вряд ли можно было назвать красивой – веснушчатые голубоглазые создания со вздернутыми носиками и четко очерченными скулами не особенно соответствуют общепризнанным канонам красоты. Но было в ней нечто такое, что заставляло и мужчин, и женщин всматриваться в нее снова и снова и искать ее общества. Неунывающее ни при каких условиях существо, преданное и надежное, с твердыми жизненными принципами и убеждениями – такова была Гвендолин Маргарита Эрнестина МакНорман из Гвендильского замка.

Леди Памела с радостью приветствовала внучатую племянницу. С ее появлением в мрачной гостиной стало как будто светлее. Даже томная леди Сесилия оживилась. Впрочем, это можно было объяснить тем, что она чувствовала необходимость постоянно быть начеку

в присутствии старшей дочери. От Гвендолин можно было ожидать всего. Кому-кому, а уж ее матери это было прекрасно известно.

– Чудесно выглядишь, Гвен, – улыбнулась леди Памела, потрепав девушку по щеке.

Гвендолин чуть нахмурилась. Она была очень невысокого мнения о собственной наружности, и каждое приятное слово по этому поводу казалось ей подозрительным. Не надо мне никаких одолжений, говорил ее серьезный взгляд. Но Гвендолин была слишком живого и деятельного нрава, чтобы долго сердиться. Морщинка на ее лбу разгладилась, и она принялась засыпать леди Памелу вопросами.

Ее мать внимательно слушала ее и легонько покачивала головой. За двадцать три года она не устала удивляться тому, как у нее могла родиться такая дочь. Сесилия считала себя очень выдержанным человеком, вершиной спокойствия и невозмутимости, одним словом, всего того, что приличествует настоящей леди. Однако Гвендолин, с ее взрывным характером и безумными идеями, абсолютно не соответствовала представлениям ее матери о девушке благородного происхождения.

– Гвен, дорогая, ты не могла бы говорить чуточку потише и помедленнее? – спросила леди Сесилия страдальчески, когда у Гвендолин иссяк запас новостей и вопросов. – Здесь довольно душно, а еще ты шумишь...

Гвендолин покраснела. Она вообще чрезвычайно быстро заливалась краской, и это качество ее кожи особенно раздражало ее.

– Прости, мама, – пробормотала она.

– И потом, это просто неприлично. Пора бы уже научиться достойно вести себя, – продолжала леди Сесилия менторским тоном.

Она искренне любила старшую дочь, но никогда не упускала возможность прочитать ей нотацию. Присутствие леди Памелы несколько не смущало ее – ведь тетя Пэм была родственницей, а, значит, не считалась.

– Да, мама, – ответила Гвендолин спокойно, но глаза ее сердито блеснули. Она очень не любила, когда мать принималась поучать ее, особенно при посторонних.

Леди Памела почувствовала, что пора вмешаться и перевести беседу в другое, менее опасное русло.

– Ах, какая же я забывчивая! – с притворным огорчением произнесла она. – У меня совсем вылетело из головы, зачем я сегодня приехала к вам.

И Сесилия, и Гвендолин с интересом посмотрели на тетю. Леди Памела состояла в очень активной переписке с половиной знатных семейств Шотландии и Англии и всегда была в курсе самых последних событий. Обычно это были самые заурядные слухи, но порой она баловала их чем-то действительно важным. Судя по интригующему виду, который напустила на себя Памела сейчас, это был как раз такой случай.

– В чем дело, тетя Пэм? Не томи нас, – проговорила леди Сесилия с жадным любопытством. Всегда такая строгая к дочери, она порой забывала о собственных манерах.

– Как вы смотрите на то, чтобы устроить в Гвендиле праздник? – спросила тетя Пэм и улыбнулась.

На лицах ее собеседниц отразилось откровенное разочарование.

– Праздник? – протянула Сесилия. – О каком празднике может идти речь? Денег совершенно нет, да и повода для веселья я пока не вижу.

– Помните, в летописях Гвендила есть упоминание о празднике, который раз в год устраивали в замке? – невозмутимо продолжала леди Памела. – Когда съезжались все соседи и родственники, и пир длился несколько дней?

Гвендолин кивнула головой. Еще бы она не помнила! Это было время величия Гвендила. Время, которое безвозвратно ушло.

– По-моему, было бы изумительно возродить эту традицию. Конечно, не в былом масштабе, но можно было бы придумать что-нибудь...

– О чем ты говоришь, тетя Пэм? – резко перебила ее леди Сесилия. – Праздник в Гвендильском замке? Никогда не слышала ничего более смешного! Какое веселье может быть в этих руинах?

Гвендолин вспыхнула. Предложение леди Памелы, мягко говоря, странно, но это еще не повод для издевки! В конце концов, тетя Пэм очень здравомыслящая особа и наверняка за ее словами скрывается дельный план. И уж называть Гвендиль руинами леди Сесилия не имела ни малейшего права!

Леди Памела дождалась, когда Сесилия отсмеется, и спокойно продолжила:

– Вся округа знает, что вы разорены и еле сводите концы с концами. Было бы неплохо показать всем, что владельцы Гвендиля еще что-то представляют из себя. Не думаю, что это обойдется в такую немислимую сумму. Я могла бы помочь. Немногим, конечно, но все-таки...

– Если ты хочешь помочь нам, мы найдем деньгам более достойное применение, – отрезала леди Сесилия. – Ты меня удивляешь, тебя Пэм!

– А на праздник можно было бы пригласить нужных людей.

Тут Гвендолин звонко рассмеялась.

– Немедленно выкладывай, что у тебя на уме, тетя Пэм. Перестань ходить вокруг да около. Бедную маму сейчас удар хватит из-за твоих идей.

Леди Памела улыбнулась, и лучики морщинок побежали от уголков ее глаз по всему лицу.

– Тебя не проведешь, Гвен. Сесилия, помнишь, шесть лет назад я ездила на свадьбу Уолтера МакНормана, вашего дальнего родственника? Ты еще оставалась дома, так как Кэролайн была серьезно больна?

Сесилия наморщила лоб, вспоминая события шестилетней давности.

– Кажется, да, – произнесла она неуверенно. – Этот Уолтер то ли кузен, то ли племянник моего покойного мужа...

– Скорее всего, племянник, – уточнила леди Памела. – Но это чисто номинальное родство, я даже не могу припомнить в каком колене. Чистое совпадение, что у вас одна фамилия. Вас вполне можно считать однофамильцами, но все-таки какая-то общая капля крови у вас есть.

– Они живут на побережье? Его супруга, кажется, очень богата? – спросила Сесилия, окончательно вспомнив, о ком идет речь.

– Очень. Сэр Уолтер сам владеет весьма значительным состоянием. Несмотря на благородную кровь, у него есть деловая сметка и голова на плечах, – усмехнулась леди Памела. – В числе прочего он имеет несколько заводов по производству виски. Очень прибыльное дело, скажу я вам.

– Виски! – фыркнула леди Сесилия, и Гвендолин тоже не смогла сдержать улыбку. – Подумать только, один из МакНорманов занимается производством виски!

– Сейчас двадцатый век, моя дорогая, – кротко заметила леди Памела. – Каждый зарабатывает деньги, как может. И не переживай, пожалуйста, насчет его родства с вами. Уолтера вряд ли можно назвать одним из МакНорманов в том смысле, который ты имеешь в виду. Если хочешь, я могу посмотреть в своих записях и уточнить вашу степень родства.

– Ладно, оставим в покое этого коммерсанта, – сказала Сесилия с легким презрением. – Какое он имеет отношение к нашему разговору?

– Почти никакого. Просто я поддерживаю отношения с его матерью, весьма почтенной дамой, и она сообщила мне в письме, что скоро к ним приезжает младшая сестра жены Уолтера...

– Господи, да какое мне до этого дело? – воскликнула леди Сесилия.

– Которая очень мила, богата и хочет выйти замуж за человека благородного происхождения. Видимо, лавры сестры, леди МакНорман не дают ей покоя, – закончила леди Памела, не обращая внимания на возгласы племянницы.

Леди Сесилия застыла на полуслове с открытым ртом. Вот с этого и надо было начинать, говорили ее глаза.

3

– Тетя Пэм, ты просто чудо!

Гвендолин невольно поморщилась. Ее мать так и светится от восторга, словно неведомая богачка уже стала женой Джеймса.

– Расскажи мне поподробнее. – Леди Сесилия придвинулась поближе к тете. – Кто она, как ее зовут и все остальное. Было бы замечательно познакомиться с теми МакНорманами поближе. В конце концов, мы все-таки родственники!

Гвендолин прыснула.

– Гвен, милочка, тебе не пора заняться своими делами? – спросила леди Сесилия с кислой миной.

Она совсем забыла, что здесь присутствует ее дочь, для которой ее матримониальные затеи всегда составляли источник неиссякаемого веселья.

– Я бы предпочла остаться с вами, мамочка, – произнесла Гвендолин, не желая понимать намеков.

Леди Сесилия была абсолютно права, жалуясь на невоспитанность дочери. И сейчас она скорбно вздохнула, словно призывая леди Памелу в свидетели возмутительного поведения Гвендолин.

– Я должна обсудить с тетей Пэм важный вопрос, – нахмурилась Сесилия.

– Джеймс – мой брат, и я имею право знать все, что касается его, – отрезала Гвендолин и устроилась в кресле поудобнее, всем своим видом показывая, что никуда не собирается уходить.

– Пусть остается, она уже большая, – вмешалась леди Памела. – В конце концов, Гвендолин имеет право знать, кого мы сватаем Джеймсу. Ведь его жена – будущая хозяйка Гвендиля.

Настроение девушки резко испортилось. Тетя Пэм могла бы не упоминать об этом. Конечно, она прекрасно знает, что когда Джеймс женится, и у него появятся дети, Гвендильский замок полностью перейдет в его распоряжение. Но зачем напоминать ей о том, что ее любимый дом на самом деле совсем не ее?

– Хорошо, – вздохнула леди Сесилия. – Но я жду, тетя Пэм...

Памела улыбнулась и сложила морщинистые руки на коленях. Она предвкушала реакцию Сесилии и не торопилась с рассказом.

– Девушку зовут Марион Гастингс. Я видела ее фотографию в модном журнале. Она очень миленькая, прекрасно одевается...

– И до сих пор не замужем, – пробормотала Гвендолин как бы про себя, но с расчетом быть услышанной.

Леди Сесилия метнула на дочь угрожающий взгляд, но ничего говорить не стала.

– Гастингсы очень состоятельная семья. Ее прадед разбогател, торгуя углем, и сейчас они владеют процветающей угольной компанией. Марион и ее старшая сестра Констанция – единственные наследницы всего состояния...

– О, кузен МакНорман отхватил лакомый кусочек, – снова произнесла Гвендолин.

– Замолчи, Гвен! – раздраженно бросила Сесилия. – Дай послушать!

Гвендолин невинно захлопала ресницами.

– Через две недели Марион приезжает погостить к сестре, и Джулия, мать Уолтера МакНормана, абсолютно определенно сообщила мне, что девочка намеревается как следует приглядеться к местным женихам. Американцы, видимо, ее не устраивают.

– А сколько ей лет? – немедленно полюбопытствовала Гвендолин.

– Двадцать восемь, – не очень уверенно ответила леди Памела и покосилась на Сесилию. – Конечно, Джеймс чуть моложе, но разве в этом дело...

– Тетя Пэм, Джеймсу всего двадцать пять! – воскликнула Гвендолин с притворным укором. – Она на целых три года старше его. Нет, это не годится!

– Гвендолин!

На этот раз в голосе леди Сесилии послышался настоятельный приказ молчать.

– В том же самом письме Джулия вскользь упомянула о том, что неплохо было бы наконец МакНорманам познакомиться со своими дальними родственниками, – продолжала леди Памела после небольшой неловкой паузы. – Я сразу поняла, что она имеет в виду. Почему бы Марион Гастингс не выйти замуж за Джеймса МакНормана? Это был бы союз, блестящий во всех отношениях.

– Неужели у Джулии МакНорман не нашлось другого жениха под рукой? – не выдержала Гвендолин. – С чего вдруг она вспомнила о нашем Джеймсе? Откуда она знает о его существовании?

– Не забывай, деточка, что мы с Джулией часто пишем друг другу. – Тетя Пэм потупила глаза.

– Ага, значит, она в курсе всех наших дел?

– В какой-то степени, да, – признала Памела. – Я должна была намекнуть, что в материальном плане девушке нечего ожидать от брака с Джеймсом...

– Какой позор! – фыркнула Гвендолин. – Дела нашей семьи настолько плохи, что абсолютно посторонние люди подсовывают Джеймсу каких-то перезрелых американских богачек!

– Не говори ерунды, Гвен, – процедила леди Сесилия, смертельно оскорбленная словами дочери. – Никто никого не подсовывает Джеймсу. Почему бы молодым людям и не познакомиться? Раньше только так и заключались браки в благородных семьях, и что-то не видно, чтобы кому-то от этого было плохо!

– Хорошо, как скажешь, – согласилась Гвендолин. – И что же ты предлагаешь, тетя Пэм?

– Устроить в Гвендиле праздник, пригласить друзей и родных, и в том числе Уолтера МакНормана с семьей. Это было бы очень интересно и естественно...

– И никто бы не догадался, что мы сватаем Джеймса, – закончила за нее Гвендолин. – Что ж, я считаю, что это великолепная идея. Если денежки этой мисс Марион пойдут на восстановление Гвендиля, я только за.

Леди Сесилия изумленно оглядела дочь. Только что она бросала язвительные замечания в адрес брата и его предполагаемой невесты, а сейчас объявляет, что полностью поддерживает идею тети Пэм. В высшей степени непоследовательная натура!

– Да, но где же нам взять деньги для праздника? – беспомощно спросила леди Сесилия. – Мы же не можем допустить, чтобы гости видели эти руины.

– Я постараюсь помочь, – улыбнулась леди Памела. Ее идея пришлась по вкусу, это было очень приятно. – Мы обязательно что-нибудь придумаем. Гвендиль будет прекрасен. И Джеймс тоже.

Женщины понимающе переглянулись.

– Это было бы великолепно, – тихо сказала леди Сесилия. – Но я боюсь даже мечтать об этом.

– А ты не мечтай, – произнесла тетя Пэм и стала подниматься. – Ты действуй. Напиши Джеймсу о празднике, пусть тоже подумает о том, где достать денег. Начинай составлять список гостей, где кого разместить...

– Этим пусть Гвен занимается, – пожала плечами Сесилия. – Она у нас специалист по замку.

– Одним словом, работы по горло, – заключила леди Памела. – Если хотите что-то получить, надо вначале как следует поработать. Так что думайте, девочки, а я пойду потихоньку. Мне еще к миссис Отерборн надо заглянуть.

– Но ты ведь напишешь Джулии МакНорман насчет праздника? – обеспокоенно спросила Сесилия. – Не получится так, что эту Марион кто-нибудь ув... что ей не захочется приехать к нам?

– Мама боится, как бы добычу не украли из-под носа, – жизнерадостно заявила Гвендолин.

– Я сегодня же вечером напишу Джулии, – спокойно ответила тетя Пэм, игнорируя непослушную Гвендолин. – До свидания. Не провожайте меня, я сама найду дорогу. Уверена, вам есть о чем поговорить.

И леди Памела вышла, подхватив свой объемистый ридикюль. Мать и дочь остались в гостиной одни. Гвендолин закинула ногу на ногу и принялась с независимым видом оглядываться по сторонам. Она знала, что сейчас начнутся нравоучения и уже сожалела о том, что не смогла держать язык за зубами.

– Гвендолин, я надеюсь, ты понимаешь важность этого праздника? – начала леди Сесилия.

– Да. Нам ужасно нужны деньги. Мне это известно лучше, чем кому бы то ни было. Гвендиль...

– Я не желаю больше слышать об этом! И без Гвендиля у нас полно проблем. Если Джеймс женится на хорошей девушке, мы все от этого только выиграем!

– А вдруг эта Марион кривая и косая? – лукаво спросила Гвендолин.

– Памела сказала, что она миленькая.

– У тети Пэм все миленькие, – упорствовала Гвендолин. – Даже я. Нельзя как-нибудь взглянуть на эту девицу, прежде чем устраивать праздник и тратить уйму денег?

Леди Сесилия задумалась. Конечно, Гвен несносная девчонка, но в ее словах есть разумное зерно. Джеймс будет не прочь жениться на состоятельной девушке, в этом леди Сесилия не сомневалась. Однако вряд ли он согласится опуститься до брака с непривлекательной особой. Джеймс был очень чувствителен к общественному мнению, и если все вокруг начнут говорить, что лорд Гвендильского замка женился только ради денег... Нет, на это он точно не пойдет.

– Но как мы можем взглянуть на нее?

– Да, откровенные смотрины нынче не в моде. Какая жалость, – покачала головой Гвендолин.

Несмотря на все свои насмешки, она знала, что женитьба Джеймса на богатой наследнице была бы наилучшим выходом из положения. Как ни прискорбно было это признавать.

– Послушай, а что если ты съездишь к МакНорманам на недельку?

– Я? – оторопела Гвендолин.

Глаза леди Сесилии загорелись.

– Все очень просто. Можно представить, что ты не совсем хорошо себя чувствуешь. Поправляешься после болезни. И тебе необходим морской воздух. Дом Уолтера как раз на побережье. Мрачное место, насколько я припоминаю, но воздух как раз то, что надо. Ты поедешь поправляться, и будет совершенно естественно, если ты остановишься у родственников. Мы с тетей Пэм напишем им и...

– Мама, это невозможно!

Гвендолин вскочила с дивана. Изумление, досада, злость – все по очереди отражалось на ее лице.

– Почему? – удивилась леди Сесилия. – Это будет вполне естественно. А у тебя будет возможность поближе познакомиться с этой Марион. Великолепная идея! А потом последует приглашение на праздник...

Леди Сесилия принялась бормотать что-то про себя, прикидывая, как лучше всего будет предупредить Уолтера и что Гвендолин нужно будет взять с собой. Гвен смотрела на нее с широко раскрытыми глазами. В этом была вся ее мать, с ее рассуждениями о приличиях и хороших манерах и абсолютно возмутительными поступками. Леди Гвендолин отправляется высматривать невесту для своего братца к незнакомым людям. Какой позор!

– Я никуда не поеду, – отчетливо произнесла мрачная Гвендолин.

Леди Сесилия подняла голову, потревоженная резким тоном дочери.

– Что ты сказала? – спросила она, замечая нахмуренный лоб Гвен. – Что-то не так?

– Я никуда не поеду, – повторила девушка. – Я не буду разыгрывать клоуна даже ради тебя или Джеймса. Они все сразу поймут, зачем я приехала.

– Гвендолин, дорогая, не говори ерунды, – проворковала леди Сесилия. Она умела быть очень нежной, когда хотела. – Представляешь, как будет здорово съездить куда-нибудь. Ты же нигде не была. Я уверена, МакНорманы очень обрадуются тебе. ведь мы же родственники, в конце концов. Тебе будет весело у них, гораздо веселее, чем здесь, а уж с приездом мисс Гастингс там, наверное, будут сплошные развлечения...

– Не поеду, – буркнула Гвендолин.

– Ты ведешь себя глупо. Тебя никто не съест. Неужели ты не хочешь познакомиться с Марион? Оценить ее? Подружиться с ней?

– Проследить, чтобы ее никто не увел, как несравненную мисс Робертсон? – осведомилась Гвендолин с горькой иронией. – Ведь ты ради этого посылаешь меня туда? Тебе абсолютно все равно, красива Марион или нет, главное, что у нее есть деньги, и уже поэтому она подходящая партия для Джеймса. А как же кровь? Не ты ли всегда выступала за чистоту крови? Разве Джеймс не опозорит себя такой женитьбой?

– Фу, Гвен, какой резкой ты можешь быть, – вздохнула леди Сесилия. – Очень некрасиво с твоей стороны напоминать мне о тех неосторожных словах. Сейчас не Средневековье, и можно забыть о законах крови. Принцы женятся на моделях, принцессы выходят замуж за охранников... Почему бы и нам не поступать точно также?

– Если бы Джеймс влюбился в обычную секретаршу и привел ее в Гвендиль, ты бы тоже приняла ее с распростертыми объятиями?

– Ты поражаешь меня, Гвендолин, – сухо произнесла Сесилия. – Неужели ты не понимаешь, что если в ближайшее время у нас не появится много денег, твой обожаемый Гвендиль развалится окончательно? И ты, и Джеймс, и Кэролайн заслуживаете гораздо большего, чем ваш отец был в состоянии вам дать. Почему же ты с таким презрением относишься к моим попыткам как-то уладить наши дела? Вот тетя Пэм все понимает, ей не надо ничего объяснять.

Гладкий высокий лоб леди Сесилии прорезала скорбная складка. Сердце Гвендолин сжалось. Бедная мама, она ведь ни в чем не виновата. Она искренне любит их и желает им добра. И, в конце концов, разве она не права?

– Прости меня, – жалобно улыгнулась Гвендолин и подошла к матери, которая по-прежнему стояла напротив нее. – Я бываю иногда такой глупой. Я поеду к МакНорманам и подружусь с Марион Гастингс, если ты этого хочешь.

– Вот и умница, – просияла Сесилия и ласково погладила дочь по голове.

Гвендолин на секунду прильнула к матери, раскаиваясь и недоумевая про себя, почему они так часто ссорятся и не понимают друг друга.

– Послушай, мама, – вдруг заговорила она. – А ты никогда не думала о том, чтобы удачно выдать замуж меня? Может быть, какой-нибудь состоятельный мужчина захочет взять в жены леди Гвендолин МакНорман из Гвендильского замка?

Леди Сесилия медленно покачала головой. Легкая улыбка порхнула по ее губам. Милая девочка! Конечно, ей уже пора думать о замужестве, и они обязательно найдут ей хорошего мужа. Но рассчитывать на то, что ее супруг будет состоятелен, просто смешно.

– Почему? – обиделась Гвендолин. – Чем я хуже Джеймса?

– Деточка, не забывай, что у Джеймса есть Гвендиль и имя. И притом он мужчина, к нему предъявляются совсем другие требования. А у тебя только знатное происхождение.

– И это немало.

– Да, но нынче между смазливym личиком и древней родословной мужчины выбирают первое, – вздохнула леди Сесилия. – Вот подрастет Кэролайн, и тогда мы посмотрим, что можно поделать...

И с этими словами леди Сесилия вышла из гостиной, оставив оскорбленную до глубины души Гвендолин наедине со своими невеселыми мыслями.

4

Дневник леди Гвендолин

15 ноября

Иногда я думаю, что было бы, если бы я меньше любила Гвендиль. Наверное, давно бы сбежала в Эдинбург, устроилась бы на работу и зажила нормально подальше от всех. Но одна мысль о том, чтобы покинуть замок, приводит меня в ужас. И именно ради Гвендила я согласилась ввязаться в эту отвратительную авантюру. Подумать только – еду высматривать невесту для брата! Мама может выдумывать любые предлоги насчет моего здоровья и желания познакомиться с родственниками, но если у тех МакНорманов есть хотя бы капля ума, они сразу догадаются, где собака зарыта.

Джеймсу решили пока ничего не говорить. Чтобы не внушать бедняге ненужные надежды. Он, наверное, никак не может оправиться после истории с мисс Робертсон. Однако думаю, что Джеймс все поймет, когда получит мамино письмо насчет праздника. Вряд ли она станет устраивать нечто подобное просто так, на пустом месте! Интересно, что он скажет. Каково это, когда тебя сватают?

Наверное, мне стоит попросить тетю Пэм найти кого-нибудь и для меня. Джеймс терпеть не может Гвендиль, он не будет возражать, если я поселюсь здесь со своим мужем и приведу замок в порядок.

Мечты, мечты, уважаемая леди Гвендолин. Как глупо в вашем зрелом возрасте предаваться безумным фантазиям. Разве ваша достопочтенная мать не сказала вам вполне определенно, что вам с вашей внешностью совершенно не на что рассчитывать?

Бедная мама, она могла бы быть и потактичнее.

И все-таки надежда не покидает меня. Через три дня я уезжаю на побережье, в поместье МакНорманов Питхарли, и кто знает, кого я там встречу и чем все это закончится!

20 ноября

Хлопоты настолько захватили меня, что я не притрагивалась к дневнику целых четыре дня. Зато теперь я как следует опишу все события.

Сейчас я уже в Питхарли, сижу в огромной комнате, отведенной специально для меня. Если не выглядывать в окно и не видеть суровый шотландский пейзаж со скудной растительностью и свинцовым небом, то вполне можно вообразить, что находишься в каком-нибудь фешенебельном отеле европейской столице. Я не завистлива по натуре, но когда невольно начинаешь сравнивать Гвендиль с этим великолепием, настроение резко портится.

МакНорманы очень милые, приветливые люди. По крайней мере, Уолтер. Прислал за мной на вокзал машину с шофером, встречал меня лично у входа, как и подобает заботливому родственнику. Леди МакНорман я увидела только за ужином. Бледная, анемичная женщина с неприветливым выражением лица. Но не буду делать поспешных выводов. Возможно, она не в восторге от наших матримониальных намерений относительно ее сестры. Я ее вполне понимаю.

Леди Джулия, мать сэра Уолтера, приняла меня довольно настороженно, но когда я передала ей письмо тети Пэм, то сразу оживилась и стала поглядывать на меня более благосклонно. Хотела бы я знать, что милая тетушка там про меня написала! Надеюсь, мне не из-за чего краснеть...

Так как я приехала довольно поздно, экскурсию по Питхарли устраивать не стали, хотя я умираю от желания поближе познакомиться с этим прекрасным домом. Это, конечно, не Гвендиль, но как роскошно он обставлен! Например, в своей комнате я чувствую себя по меньшей мере принцессой. Особенное восхищение вызывает пушистый ковер вишневого

цвета, на который даже жаль наступать. Но и все остальное – мебель, гобелены, картины, лампы – изумительно. Может быть, чересчур пышно, но в целом производит неизгладимое впечатление.

Единственное, что смущает меня, так это то, что мои окна выходят на побережье. За холмами вполне можно разглядеть угрожающего вида воду. Представляю, что здесь творится, когда поднимается ветер. Только в Питхарли я осознала, насколько смешон предлог, под которым я сюда приехала. Поправляться после болезни! Да ни один здравомыслящий доктор не отправит пациентку в такое место в это время года. Но МакНорманы, будучи воспитанными людьми, притворились, что так оно и должно быть. По крайней мере, сэр Уолтер.

Если честно, то я не без усилия называю хозяина Питхарли сэром Уолтером. Так более благопристойно для дневника, но когда я вспоминая нашу первую встречу, то не могу удержаться от улыбки. Судя по маминым рассказам, я представляла себе солидного главу семейства, с почтенными сединами и морщинистым лицом. Почему-то я сделала вывод, что Уолтер МакНорман даже старше отца, поэтому у дверей Питхарли меня ожидал сюрприз. Когда я вышла из машины и ко мне подошел высокий молодой мужчина, я без всякого смущения поинтересовалась у него, кто он такой и когда я смогу увидеть сэра Уолтера. Мужчина расхохотался и отвесил шуточный поклон. Я была готова от стыда провалиться сквозь землю. Ведь тетя Пэм упоминала о том, что Уолтер женился только шесть лет назад! Вечно самая важная информация вылетает у меня из головы.

Но сэр Уолтер ничуть не обиделся и тут же предложил мне называть его просто по имени. Все эти титулы заставляют меня ощущать себя столетним стариком, сказал он. Странная точка зрения! В нашей семье принято гордиться происхождением... Но Уолтер, в конце концов, скорее однофамилец, чем родственник, поэтому вправе думать все, что хочет.

Попробую теперь описать его наружность, чтобы не забыть, когда мама и тетя Пэм начнут меня расспрашивать. Уолтер МакНорман очень высок и, наверное, поэтому немного сутулится. Ему тридцать пять лет, но выглядит он гораздо моложе. У него довольно длинные темные волосы, черные глаза, впалые щеки и нос с горбинкой. Совершенно нетипичная внешность для человека по фамилии МакНорман, но как выяснилось тут же, унаследованная от матери-итальянки. Отсюда же, скорее всего, и живость характера и неиссякаемый запас красноречия.

Да, и еще ко всему прочему, он очень красив. У меня строгий вкус, и мне нелегко понравиться, но Уолтер МакНорман действительно хорош собой.

Впрочем, я уделяю его персоне слишком большое внимание. Потомки могут неправильно это истолковать. Ведь он интересуется меня в первую очередь, как близкий родственник женщины, которая, возможно, войдет в нашу семью. Хотя если Марион Гастингс похожа на свою сестру Констанцию, то она вряд ли придется Джеймсу по вкусу.

Констанция МакНорман, как мне показалось, не особенно обрадовалась моему визиту. Она не вышла меня встретить, как подобает хозяйке дома, а за ужином едва цедила слова. Но ведь не надо забывать о том, кто она такая. Откуда дочке угольного короля знать, как должны вести себя настоящие аристократы? Очень жаль, что такой обаятельный мужчина, как сэр Уолтер, женат на ней. Никогда не видела более неподходящих друг другу людей. Констанция вялая, мрачная и абсолютно бесцветная. Я порой жалею на то, что природа одарила меня слишком яркими цветами. Но Констанцию МакНорман она вообще обделила красками. Светлые безжизненные волосы, мутные глаза, желтовато-бледная кожа. Я так и не смогла понять, приятные у нее черты лица или нет.

Все-таки почему Уолтер выбрал ее? Денежные затруднения? Быть такого не может. Тетя Пэм уверяла, что он сам владеет значительным состоянием. И потом очень противно думать, что Уолтер способен жениться ради денег. Нет, оставьте это для таких, как Джеймс.

Значит, любовь? Неизвестно почему, но эта мысль мне неприятна еще сильнее. Жаль, что я не попала на свадьбу Уолтера и Констанции шесть лет назад. Пусть мне было всего семнадцать, но я обязательно поняла бы, что кроется за этим союзом.

Но хватит о МакНорманах. Я слишком мало знаю их, чтобы делать какие-то конкретные выводы. Послезавтра приезжает Марион Гастингс, и мне лучше приберечь свой дар наблюдения для нее.

21 ноября

Сегодня был самый восхитительный день в моей жизни. Я проснулась довольно поздно, и когда спустилась вниз в столовую, то встретила там только леди Джулию. Она была очень благосклонно ко мне настроена и сообщила, что Констанция неожиданно была вынуждена уехать. Какие-то срочные дела в городе. Вернуться она должна завтра вместе с Марион, а сегодня Питхарли был полностью свободен от ее кислой физиономии!

Казалось, Уолтер тоже очень воодушевлен отсутствием жены. Думаю, она угнетающе действует на него, а без нее он словно оживает. Сразу после завтрака я натолкнулась на него в просторном холле, и он немедленно предложил мне устроить экскурсию по дому.

Питхарли не обманул моих ожиданий. Конечно, ему далеко до Гвендиля, но по-своему это очень милое поместье. Это трехэтажное здание, без каких либо пристроек и флигелей. Так как местность вокруг довольно мрачноватая, то и снаружи Питхарли выглядит угрожающе – серые стены, массивные двери и ставни. Предкам Уолтера приходилось в первую очередь думать о безопасности, а не о красоте.

Зато внутри Питхарли – совершенство. И я твердо убеждена в том, что это целиком и полностью заслуга Уолтера и его матери. Каждая комната Питхарли представляет собой настоящее произведение искусства. Я не особенно сильна в дизайне, но мне показалось, что здесь собраны образцы всех возможных стилей. В Питхарли есть и пышные, почти музейные покои (как отведенная мне комната), есть уютные уголки, словно сошедшие с обложки журнала по современному интерьеру. Есть и позолота, и мрамор, и темное дерево, и резьба, и гобелены, и картины, и фарфор. Как будто кто-то специально задался целью собрать в Питхарли все, что есть красивого, в противовес хмурой природе вокруг.

Лишь мысль о Гвендиля изрядно портила мне настроение. Я не могла не сравнивать и делать соответствующие выводы. Если так пойдет дело, то я буду счастлива сосватать Джеймса с этой Марион, даже если она в сто раз хуже своей сестры. Только подумать, во что можно превратить Гвендиль, если иметь для этого достаточно средств!

Несколько раз я пыталась перевести разговор на Марион Гастингс. Насколько я поняла, с ней приезжают несколько ее друзей, так что с завтрашнего дня в Питхарли будет полно народа. Но Уолтер сразу теряет всю свою разговорчивость, как только речь заходит о мисс Гастингс. Мне неудобно настаивать и выпытывать у него подробности, ведь моя роль в этой истории довольно неприглядна. Но его уклончивость очень подозрительна. Я невольно начинаю размышлять над тем, что может скрываться за таким отношением. Неужели шесть лет назад перед Уолтером МакНорманом стоял выбор: Марион или Констанция? И по неведомым мне причинам он выбрал старшую сестру, а теперь сожалеет об этом? Или наоборот, Марион отвергла его, и он был вынужден удовольствоваться Констанцией?

Все эти мысли очень неприятны. Конечно, только из-за Джеймса. Ведь если между Марион и Уолтером что-то есть, то мой бедный братец останется ни с чем. Трудно предположить, что женщина, питающая какие-то чувства к Уолтеру, внезапно увлечется Джеймсом. Я очень люблю брата, но не обольщаюсь на его счет. По сравнению с Уолтером у него нет ни малейшего шанса.

Какой позор! Я вполне определенно рассуждаю о том, что Марион Гастингс влюблена в мужа своей сестры, или он в нее. Какое право я имею делать подобные выводы? Возмутительно. Леди Гвендолин должна быть выше таких мыслей, причем совершенно обоснова-

тельных. Завтра я все увижу собственными глазами и посмеюсь над этими глупыми догадками.

5

Несколько дней назад утром в столовой Питхарли произошла следующая сцена. Уолтер, Констанция и Джулия собрались за завтраком и после обмена стандартными фразами пожилая леди вскользь произнесла:

– Кстати, недавно мне позвонила леди Памела Хемиш, моя давняя знакомая. Она сказала, что ее внучатая племянница Гвендолин собирается на побережье. Я подумала, может быть нам пригласить девочку погостить немного у нас? Племянница Памелы, мать Гвен, была замужем за Эдуардом МакНорманом, который приходится тебе дядей. Ваши прапрапрадеды были братьями...

Констанция скривилась. Когда леди Джулия начинала рассуждать о родословных и родственных связях, от нее не было никакого спасения.

– Мама, Эдуарда вряд ли можно назвать моим дядей, – рассмеялся Уолтер, игнорируя жену. – Даже удивительно, что у нас одна фамилия. Но я прекрасно помню Сесилию МакНорман. Весьма капризная дамочка, мы с ней виделись на похоронах Эдуарда.

– Ах, да, – просияла леди Джулия. – Я совсем забыла. Значит, ты не против пригласить Гвендолин к нам? Здесь ей будет весело.

– Пусть приезжает, – равнодушно пожал плечами Уолтер. – Не понимаю, правда, что делать на побережье в это время года, но раз уже ей так хочется...

– Мое мнение, естественно, никого не интересует, – резко сказала Констанция.

Судорога пробежала по красивому лицу Уолтера. Было видно, что только невероятное усилие воли удерживает его от того, чтобы высказать жене все, что он о ней думает.

– А что ты думаешь по этому вопросу, Конни? – спросил он с угрожающей вежливостью.

– Я считаю, что в доме и так будет полно народу после приезда Марион, – заявила Констанция, ничуть не смущенная тоном мужа. – Она везет с собой кучу знакомых, и я не представляю себе, зачем нам лишний человек!

Мать и сын быстро переглянулись. Уолтер открыл было рот, но леди Джулия покачала головой, предупреждая вспышку гнева.

– Мы можем разместить гораздо большее число гостей, – сухо заметила она, но внимательный наблюдатель мог бы увидеть, что леди Джулия тоже едва сдерживается. – Раз к нам едет твоя родственница, то почему бы и родне Уолтера не навестить нас?

– Я против, – высокомерно заявила Констанция. – Вы не можете игнорировать меня.

– Мама, сообщи Памеле, что мы с радостью примем Гвендолин МакНорман, – хладнокровно обратился Уолтер к матери.

Констанция поджала губы. Остаток завтрака прошел в абсолютной тишине, лишь периодически было слышно бряцанье столовых приборов.

В день приезда Гвендолин Констанция заперлась у себя в комнате. Впрочем, никто не возражал. Уолтеру было проще самому встретить гостью. Он был с самого начала уверен, что дочь Сесилии МакНорман и его жена не поладят. Вспоминая надменную Сесилию, Уолтер не сомневался в том, что ее дочь будет очень на нее похожа, такая же заносчивая и хладнокровная.

Гвендолин в два счета опровергла все его предварительные домыслы.

Когда дверца машины распахнулась и оттуда, не дожидаясь помощи шофера, выскочила хрупкая рыжеволосая девушка, Уолтер не поверил собственным глазам. Кто бы мог подумать, что у Сесилии такая дочь, бормотал он про себя, спускаясь по ступенькам навстречу Гвендолин.

Ярко-голубые глаза девушки пылливо оглядывали его. Видимо, Гвендолин тоже ожидала увидеть другого сэра МакНормана, и Уолтеру было особенно приятно то, что они не соответствуют представлениям друг о друге.

Уолтер показал Гвендолин ее комнату и, оставив девушку приходить в себя после долгой дороги, немедленно пошел разыскивать леди Джулию, чтобы поделиться с ней первым впечатлением. Энтузиазм сына насторожил леди МакНорман, и она решила холодно принять Гвендолин. Однако личное знакомство с девушкой, а потом и письмо ее подруги Памелы, сыграли свою роль. Эта Гвендолин МакНорман весьма мила, – к такому выводу пришла леди Джулия.

Что о Гвен подумала Констанция, никто не узнал. Но судя по ее поведению, она не была в восторге от гостя. Видя, как она ведет себя с Гвендолин за ужином, Уолтер был вне себя от ярости.

– Ты хотя бы могла соблюдать приличия, Конни – в сердцах бросил он, когда Гвендолин поднялась к себе. – Что Гвендолин подумает о нас?

Констанция проигнорировала слова мужа. Леди Джулия попыталась восстановить хрупкий мир, но все было напрасно – неустойчивое равновесие между членами этой семьи было окончательно нарушено.

На следующий день Констанция внезапно уехала в город. Она привыкла не давать мужу никаких объяснений, поэтому никто не удивился, когда горничная принесла весть о ее отъезде. У Уолтера камень с души свалился. Последний день перед приездом Марион он проведет в тишине и спокойствии.

И в обществе Гвендолин МакНорман.

Уолтер считал себя истинным ценителем женской красоты. Он никогда не рассыпался в лживых комплиментах, но уж если признавал чью-то привлекательность, то счастливица не сомневалась в его искренности.

Назвать Гвендолин МакНорман красавицей Уолтер не мог. В ней не было плавности движения, томности взгляда, правильности черт, словом, всего того, что он привык ценить в женщинах. Но снова и снова он вспоминал ее задорную улыбку, пылливый глаза, изящную ручку с неженской силой рукопожатия.

И все-таки она чертовски миленькая, говорил себе Уолтер, показывая Гвендолин дом. Он гордился Питхарли, и реакция Гвен была ему вдвойне приятна.

– Я так рад, что вы оценили мои усилия, – признался он в конце экскурсии. – Некоторые считают, что гораздо логичнее было бы переехать в город, а не оставаться здесь, среди этих холмов и болот.

– Ни в коем случае. – Глаза Гвендолин округлились. – Как можно покинуть свой дом, тем более такой красивый?

Постепенно они разговорились, и Уолтер выяснил, что Гвендолин безумно любит свой Гвендильский замок и очень переживает из-за того, что он находится в таком плачевном состоянии.

– Как же вы могли допустить такое? – удивился он.

Гвендолин замялась. Меньше всего ей хотелось посвящать Уолтера в их финансовые затруднения. Она вообще не любила говорить на эту тему с посторонними, а сейчас все осложнялось тем, что Гвендолин фактически приехала в Питхарли, чтобы поправить денежные дела их семьи.

– Гвендиль требует очень много средств, – пробормотала она наконец, потому что Уолтер терпеливо ждал ответа.

Ее смущение открыло ему глаза. Наверняка после смерти мужа Сесилия испытывает материальные трудности, догадался Уолтер. И тут ему пришло в голову, что внезапный визит Гвендолин можно объяснить очень просто. Наверняка его мать и эта Памела Хемиш

составили какой-нибудь очередной план замужества, на этот раз для Гвендолин МакНорман. Конечно, Уолтер ничего не имел против этого, но почему-то мысль о том, что Гвендолин приехала в Питхарли, чтобы искать жениха, была ему противна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.